

ОЧЕРКИ
ПО ИСТОРИИ
МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

STUDIA HISTORICA

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»
Москва 1997

ББК 80 я 44
О 95

Учебная литература по гуманитарным и социальным дисциплинам для высшей школы и средних специальных учебных заведений готовится и издается при содействии Института «Открытое общество» (Фонд Сороса) в рамках программы «Высшее образование».

Редакционный совет: В. И. Бахмин, Я. М. Бергер,
Е. Ю. Гениева, Г. Г. Дилигенский, В. Д. Шадриков.

О 95

Очерки по истории мировой культуры. Учебное пособие. / Под ред. Т. Ф. Кузнецовой. — М.: «Языки русской культуры», 1997. — 496 с.

ISBN 5-7859-0024-6

Данная книга является учебным пособием по курсу теории и истории мировой культуры для высших учебных заведений.

Авторский коллектив стремился представить историко-культурное развитие основных регионов мира как ценностно-смысловое единство с точки зрения внутренне присущих ему закономерностей. Динамика общественной жизни народов мира рассматривается в книге как результат взаимодействия различных форм и видов культурной деятельности в социально-политической истории.

Авторы исходили из представления об уникальности любой культуры и ее особой значимости в контексте всемирной истории. Нет культур больших и маленьких, важных и незначительных. У каждой культуры свое место в истории, свой смысл и предназначение. История культуры — это история взлета человеческого духа и разума, история созидания самого Человека.

Пособие адресовано студентам и аспирантам, преподавателям и всем интересующимся вопросами изучения культуры.

ББК 80 я 44

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 5-7859-0024-6

© Авторы, 1997

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Введение</i>	7
<i>Глава I. Культура древности</i>	
Культура и религиозные воззрения людей эпохи древних царств.....	15
Античность и ее наследие.....	28
<i>Глава II. Культура Востока</i>	
Традиционная китайская культура.....	53
Индийская культура.....	83
Культура Японии.....	120
<i>Глава III. Культура Запада</i>	
Европа в контексте средневековой культуры.....	141
Культура Возрождения.....	176
Культура Реформации как парадигма европейской культуры Нового времени.....	211
От XVIII к XIX веку: становление культурного самосознания Европы.....	243
Культура Северной Америки.....	331
<i>Глава IV. Специфические и «серединные» культуры</i>	
Культура народов Тропической и Южной Африки.....	361
Классическая арабо-мусульманская культура.....	397
Культура России	
культура допетровской Руси.....	427
два лика русской культуры.....	453
<i>Заключение. Компаративистика как метод анализа истории культур</i>	479

ВВЕДЕНИЕ

Учебное пособие по истории культуры имеет цель ознакомить студентов и аспирантов с основными типами культур, показать, какой образ человека формируется в них, какое место они занимают в мировой истории.

Книга является продолжением очерков теории культуры, выпущенных Фондом «Культурная инициатива» на базе издательства «Наука» в 1995 г.

Нам хотелось представить историю культуры в концептуальном соответствии с теорией культуры, с пониманием культуры как второй природы, производящей не только человеческий (неприродный) мир, но и самого человека. Однако сделать это можно различными способами.

Один и тот же исторический материал (сохранившиеся исторические тексты, свидетельства, философские размышления) допускает не одно, а множество теоретических истолкований, в результате чего разные историки воссоздают несовпадающие (а иногда и взаимоисключающие) истории. Поэтому в истории культуры недопустима монополия одной, даже весьма обоснованной и утвердившейся или авторитетной теоретической позиции. Напротив, каждая достаточно отчетливая культурно-историческая точка зрения должна иметь право на свое выражение и манифестацию, право защиты, право на публикацию.

Другой особенностью истории культуры является ее «понимающий характер», тесная связь с живыми проблемами культурной жизни, ответственность гуманитарного ученого, как говорил М. Бахтин, перед жизнью культуры. Выбранная исследователем точка зрения на объект изучения, а также интенция на его понимание образуют то исходное пространство и условия, в которых разворачивается интерпретация историко-культурного процесса.

Если сначала отдельные характеристики и описания культуры практически не соотносятся друг с другом, никак не связаны и, кроме того, неоднородны, то на следующем этапе культуролог пытается преодолеть это. Здесь мы переходим к характеристике еще одного аспекта культурологического исследования. Он состоит в попытке задать «ведущие» для культуры структуры и отношения, то есть те, которые определяют основной строй культуры, обеспечивают ее устой-

чивость и жизнеспособность, в значительной мере выявляют в культуре особенности и характер всех прочих структур и отношений.

Культура, подлежащая изучению, обычно рассматривается как ставшая, устойчиво функционирующая. Однако в истории культуры можно исследовать также: кризис той или иной культуры, ее распад (гибель), формирование новой культуры, различные процессы трансформации культурных институтов или других культурных образований. При решении подобных задач культуролог не только сопоставляет одни культуры с другими, но и изучает изменение, развитие, динамику культурных процессов.

История культуры не может быть дана в отрыве от концепций философии истории, которые упорядочивают процесс человеческого развития, периодизируют его. Социально-философские теории прогресса, господствовавшие в XIX в., сегодня представляются чрезмерно линейными, не учитывающими специфику культур разных народов. Теории прогресса опирались на понятие «стадия развития», которое не может быть отброшено, пока человечество развивается. В методологическом плане это понятие работает в культурологии достаточно противоречиво: с одной стороны, культура, как и общество, развивается, проходит определенные стадии, но с другой стороны, говорить о прогрессе культуры — это значит, как правило, производить редукцию культурного к социальному, приписывать культуре стадии развития общества в целом.

Более специфический, более приемлемый для характеристики культур подход — цивилизационный, где речь скорее идет о типах общения, чем об их стадиях. Цивилизации создают социальное тело культур, защищающее их от варварства, от уничтожения. Они характеризуют единство культурного и социального. Цивилизованный подход близок методологии поиска культурно-исторических типов (Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, П. Сорокин) идеям методологии культуры (О. Шпенглер), и было бы чрезвычайно соблазнительно и поучительно представить историю культуры согласно этой методологии. Однако она отвечает достаточно позднему состоянию истории культуры, относящемуся к концу XIX и преимущественно к XX в. Все эти теории утверждают распад единства евроцентризма. До появления евроцентризма мир развивался, не разделяя себя на Восток и Запад, Европу и не-Европу (древние культуры), он прошел расцвет великих восточных цивилизаций и культур (Китай, Индия), становление и долгое господство евроцентризма и идей прогресса, развитие срединных культур, пытающихся соединять противоположность Востока и Запада.

В формировании культуры можно выделить три основных процесса:

— кристаллизацию ведущих культурных парадигм и отношений новой культуры (с одновременным подавлением тех структур, которые этой культуре не отвечают);

— образование культурного организма, то есть органическое «схождение», организация всех ее подсистем и структур («семиотического

космоса» с природным, идеологии с экономикой, отношений людей с организацией социальной жизни и т. п.);

— совершенствование всех культурных отношений, структур и процессов. Например, при формировании средневековой культуры в качестве ведущих культурных парадигм выделялись такие образования, как христианское мировоззрение и образ жизни, а также римский идеал имперской государственности. Одновременно идеологически угнетались и переосмыслились «языческие», античные формы жизни и мировоззрения. Параллельно с образованием семиотического и природного космоса средневековой культуры складывались новые взаимоотношения людей, производство и экономические отношения, формы государственности, быт, досуг, традиции и т. п. При этом важно, что эти культурные структуры и процессы вступают друг с другом в органические отношения — взаимное обеспечение, согласование, сотрудничество, подчинение общим или частным целям и т. п.

Следовательно, исходная модель историко-культурного процесса должна строиться с учетом предшествующего событиям XX в. развитием культуры. Мы считаем это весьма существенным, и потому истории культуры XX в. посвящаем отдельный том. XX в. характеризуется принципиальными культурными сдвигами, которые меняют парадигмы пятисотлетнего опыта европейской культуры Нового времени. XX в. в определенной мере завершает Новое время, открывает иные исторические перспективы. Поэтому наши очерки посвящены истории культуры до XX в. Это — огромный период, освещение которого в литературе имеет определенную традицию. Она связана, во-первых, с установлением хронологии, а во-вторых, региональной специфики. Провести этот принцип последовательно в одном учебнике очень трудно, ибо региональный аспект может быть представлен на разных отрезках времени — древнем, средневековом, новом, новейшем. Так, можно проследить историю культуры Востока на всех этих этапах. Тем не менее, культура Запада более поздняя. С географической точки зрения говорить о ней явно недостаточно. Уже нелегко сказать о средневековом Западе, хотя можно говорить о средневековой Европе. Восток и Запад становятся со временем не просто географическим понятием, но двумя идеальными типами. Согласно известному немецкому социологу М. Веберу, идеальный тип представляет собой не нечто, данное эмпирически, а определенную конструкцию науки, в данном случае — образ культуры. Как всякий идеальный тип в научном познании, Восток и Запад перестают быть географическими наименованиями, а приобретают сущностную определенность, согласно которой Восток представляется религиозным, традиционным, пассивным, созерцательным, обращенным «внутрь», на человека, в то время как Запад — светским, современным, активным, направленным на освоение природы. Со временем такое противопоставление может быть признано слишком категоричным, но вместе с тем с его помощью познаются различия культур. Ни одна типология

не может быть безупречной, но без типологии и идеальных типов, в частности, невозможен анализ.

Большую помощь в понимании проблемы истории культуры дает концепция осевого времени К. Ясперса. Осевое время связано с подъемом культуры Запада и исчезновением великих культур древности. В этих культурах имелись огромные достижения, но вместе с тем они не явились выражением духовной сущности человечества. Доосевое время похоже по своим свойствам на Восточные культуры. И осевое время, Новое время, пришло вместе с Западом, его культурой. Существует ряд эквивалентных описаний различий между Востоком и Западом: феодализм — капитализм; традиционное — современное общество; прединдустриальное — индустриальное общество. Соответственно этому выстраиваются и различия культур. При этом авторам учебника приходится отвечать на три вопроса: 1) каков тип человека, формируемый каждой из культур; 2) как соотносятся культуры и цивилизации; 3) каково соотношение локального и универсального в каждой из них. Последние пятьсот лет осевое время определяет Запад, и он стал носителем многих универсальных культурных представлений. Это породило модернизацию ряда обществ, их стремление сменить собственную культурную идентичность на западную. Некоторые из обществ пытались приблизиться к демократическим ценностям Запада или его технологическому уровню, сохраняя свою культуру (модернизация на основе собственной идентичности). Примером этого является послевоенная Япония (в XX в.).

В истории культуры нет ни единственной, ни единственно верной типологии культур: в зависимости от оснований могут быть даны разные типологии.

Мы выбрали для данного учебного пособия наиболее принятую — регионально-историческую.

Типология культур, использованная в пособии, диктует его структуры: здесь анализируется культура древности, культура Востока, культура Запада и специфические культуры или «серединные культуры».

Пособие начинается с анализа культур древности. Сюда относятся культуры древних царств, их протоцивилизационное значение.

Далее рассматривается античная культура как предтеча новой европейской культуры.

Мы используем достаточно традиционное разделение последующих культур на восточную и западную. Затем речь идет о традиционных культурах Востока и культуре средневековой Европы, которую мы с некоторой натяжкой помещаем в раздел о Западе (понятие Запада в качестве географического термина, как известно, появляется лишь с XV в.).

В этом разделе мы рассматриваем эпоху Возрождения и Реформации с точки зрения ее определяющего значения для развития европейской культуры.

Незападные культуры имеют своим продуктом различные типы человека, но их объединяет общая черта — традиционализм. Тради-

ционный человек верит в бога или некоторые сверхценные идеи, ориентирован на воспроизводство традиции и ограничение инноваций рамками традиции, имеет коллективистские предпочтения, ориентацию на мировоззренческие ценности, а не на ценности науки и технологии, у него нет болезненного отношения к нехватке времени, он более созерцателен, чем деятельен. Западный человек секуляризован, рационален, активен, автономен, ориентирован на науку и технологию. Интересен в этой связи опыт встречи Востока и Запада, который можно наблюдать в Турции и Японии, опыт России, пытающейся синтезировать обе культуры. Здесь представлена также глава о культуре Северной Америки.

Существенно то, что выделение идеальных типов Восток-Запад и соответствующих им культур не исчерпывает всего их многообразия. Поэтому в отдельный раздел выделены не-западные и не-восточные культуры, отличающиеся специфичностью (культуры народов Южной и Тропической Африки и Латинской Америки), или «серединностью», способностью соединять черты культур Востока и Запада (арабомусульманская, русская).

Учебное пособие пытается показать, что универсальная культура человечества разворачивается через локальное разнообразие. В каждой локальной культуре прорабатывается нечто, входящее в культурную сокровищницу человечества.

Пособие завершается заключением, в котором подчеркивается в качестве особенностей современной культуры единство многообразия. Показывается, что ведущим методом анализа современной культуры является компаративистика, сравнительный анализ современных культур, где в разных зеркалах через взаимосопоставление отражается каждая из культур. Здесь приведены примеры компаративистского анализа.

Мы хотели бы подчеркнуть очерковый характер, отраженный в заголовке. Авторы не взяли на себя смелость прямо назвать эту книгу «Историей культуры», сознавая, что не удалось избежать разностильности, ибо каждый из них следует традициям определенных школ и методологических направлений. И сам материал мировой культуры столь разнообразен, что не позволяет выполнить работу в ином жанре. Термин «Очерки» на наш взгляд более соответствует содержанию пособия, чем предварительное название «Введение в историю культуры».

Все главы написаны учеными, специализирующимися на изучении культур определенных регионов. Введение — доктор философских наук, проф. Т. Ф. Кузнецова, Глава I, раздел 1 — доктор философских наук, проф. В. М. Розин; раздел 2 — доктор филологических наук, проф. Г. С. Кнабе, доктор исторических наук, проф. И. С. Свенцицкая; Глава II, раздел 1 — доктор исторических наук И. С. Лисевич; раздел 2 — кандидат философских наук, доцент Е. Н. Шапинская; раздел 3 — доктор исторических наук, проф. А. Н. Мещеряков; Глава III, разделы 1, 3 — доктор филологических наук, проф.

И. О. Шайтанов; раздел 2 — кандидат философских наук Л. М. Косарева (посмертная публикация); раздел 4 — доктор исторических наук, проф. А. И. Уткин; Глава IV, раздел 1 — кандидат исторических наук Э. С. Львова, раздел 2 — доктор философских наук, проф. Ибрагим Тауфик Камель; раздел 3 — кандидат исторических наук, доцент И. В. Кондаков и доктор философских наук Г. М. Пономарева. Заключение — доктор философских наук, проф. В. Г. Федотова.

ГЛАВА I

КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ

КУЛЬТУРА И РЕЛИГИОЗНЫЕ ВОЗЗРЕНИЯ ЛЮДЕЙ ЭПОХИ ДРЕВНИХ ЦАРСТВ

Древний Египет, Шумер и Вавилон, древняя Индия и Китай — это истинная колыбель современной цивилизации. Именно в этот период — от 5–6 тысячелетия до н. э. до 2–1 тысячелетия до н. э. — складываются огромные империи и государства, не менее замечательные искусство, техника, письменность, элементы математики и астрономии, зачатки философии. В недрах этой культуры древних царств к концу ее существования складываются очаги новой культуры, из которых в последующие эпохи черпают и античность, и новое мироощущение человека как личности.

Люди эпохи древних царств верят в богов, но это уже настоящие боги, а не просто более могущественные духи эпохи архаической культуры. Кажется, что внешне многое переходит в культуру древних царств их предыдущих эпох: вера в души, демонов, богов, идеи жертвоприношения и молитва, одухотворение природных стихий. Да, многое переходит, но даже то, что перешло, понимается в культуре древних царств по-новому. И прежде всего сами боги. С одной стороны, многие боги, так же как и раньше, являются природными стихиями и явлениями — это солнце, луна, океан, небо, земля, огонь и т. д. Но с другой — эти же боги теперь не могущественные духи, а сакральные существа, напоминающие царей, правителей, верховных жрецов. Они весьма похожи на людей, стоящих во главе управления государством и народом. Сходство богов этой эпохи с царями и правителями устанавливается родом их занятий, тем, что они делают. Оказывается, боги, так же как цари и правители или жрецы древних царств, отвечают за какие-то строго определенные области человеческой деятельности. Скажем, одни боги следили за судьбой всего народа, другие — за судьбой города, третьи — за судьбой какого-нибудь занятия или производства. «Судьба» (например, шумерское *nam [tar]* — «судьба», «рок», «ангел смерти») — весьма важное понятие этого периода, оно закрепляет функции богов. «Своя судьба, — пишет наш исследователь Шумеро-Вавилонской культуры И. Клочков, — есть у всего на свете: у божеств, у любого природного или социального явления, у всякой вещи и, наконец, у каждого человека. Судьба божества определяет его функции, «сферу деятельности», степень могущества и место в иерархии богов: одному суждено ведать формами для

изготовления кирпичей, другому — быть богом солнца. Природные явления воспринимались как манифестация того или иного божества; судьба каждого из этих явлений, по-видимому, и была судьбой соответствующего божества («природа» грозы, например, воспринималась как судьба бога Адада и т. д.).

Другое важное отличие от представлений предыдущей культуры в том, что боги и люди не только выполняют предназначенные для них роли, но и совместно поддерживают саму жизнь, мир, миропорядок». Человек архаической культуры зависел от богов, но и только, он не отвечал вместе с богами за жизнь и порядок. Теперь совершенно другая ситуация: боги должны следить за исполнением раз и навсегда установленных законов, а человек поддерживает богов. В Вавилонской религии человек при всей его ничтожности (подчеркнуть которую, как отмечает И. Ключков, «вавилоняне никогда не забывали) тем не менее находился в центре внимания. «Великие боги», олицетворявшие космические силы, постоянно оказывались вовлеченными в повседневные дела людей: они словно только тем и занимались, что карали, предостерегали, спасали и награждали своих ничтожных тварей». Человек культуры древних царств уверен, что этот мир, порядок поддерживается судьбою, богами, жертвой, законом. Их живое олицетворение — фигура царя или верховного жреца, они связывают этот земной мир с миром божественным; царь и жрецы поддерживают закон, регулируют жертвоприношения. До тех пор пока богам приносится жертва, соблюдаются установленные законы, оказываются почести царю и жрецам, беспрекословно подчиняются им — мир существует, если же хотя бы одно из этих звеньев разрывается, мир гибнет. Понятно, что в каждой древней культуре (Египте, Вавилоне, Индии, Китае) это мировоззрение принимало своеобразные, неповторимые формы.

Совместное участие людей и богов в поддержании жизни и миропорядка в культуре древних царств было закреплено с помощью мифов и сакральных преданий. Их сценарий сводился к следующему: боги создали этот мир и порядок, заплатив за это своей жизнью или кровью, в благодарность люди должны жертвовать богам и исполнять установленные ими законы. Для иллюстрации приведем два примера: содержание шумерского мифа о происхождении людей и мифа народа «нагуа» (племена ацтеков, тецкоконцев, иолултеков, тлакскалтеков и др.), населявшего в XVI в. большую Мексиканскую долину (по уровню своего развития эти народы мало чем отличались от народов Шумера и Вавилона). В старовавилонском мифе об Атрахасисе описывается собрание богов, на котором было решено создать человека, чтобы избавить богов от печальной необходимости трудиться ради поддержания собственного существования:

Когда боги, (как) люди,
Свершали труд, влачили бремя, —
Бремя богов великим (было),

Тяжек труд, многочисленны беды:
Семь Ануннаков великих
Труд свершать заставляли Игигов.

Изнуренные тяжким трудом, боги-Игиги взбунтовались, «в огонь орудия свои побросали» и явились толпой к воротам храма Энлиля, владыки земли. Встревоженный Энлиль призывает царя богов Ану, Энки, а также, по-видимому, Нинурту, Эннуги и богиню Нинту... В конце концов Нинту и Энки берутся создать человека, но для этого, говорит Энки, нужно убить одного из богов, чтобы очистить остальных и замешать на крови убитого глину.

В собрание ответили: «Так да будет!»
Ануннаки великие, вершащие судьбы.
В день первый, седьмой и пятнадцатый
Совершил омовение (Энки).
(Бога) Ве-ила, имевшего разум,
В собрание своем они убили.

Итак, чтобы создать людей, боги убили одного из своего собрания. Теперь миф народа нагуа. В соответствии с ним жизнь земли и людей полностью определяется богом-Солнцем, который живет определенное время, а затем умирает и рождается снова. Вместе с ним умирают и рождаются мир и люди («масегуалы»). Первое солнце — «тигр» — длилось 676 лет, второе — «ветер» — 676 лет, третье — «огонь» — 312 лет, четвертое — «вода» — 52 года. Мексиканцы думали, что они живут при пятом солнце — «движении», и вот как оно было создано.

Когда наступила полночь, все боги расположились вокруг очага, который назывался теотекскалли. И огонь горел здесь четыре дня... затем они заговорили и сказали Текусицтекату: «Ну, Текусицтекатл, бросайся в огонь!». Он хотел было сделать это, но так как огонь был очень большой и разгорался еще сильнее, ему стало жарко, он испугался и не осмелился броситься в огонь, отступил назад... После того как он сделал четыре попытки, боги обратились к Нанауатцину и сказали ему: «Ну, Нанауатцин, попробуй ты!». И так как это ему сказали боги, он сделал усилие и, закрыв глаза, рванулся и кинулся в огонь и затрещал в огне подобно тому, что жарится. Текусицтекатл увидел, что он бросился в огонь и горит, тоже рванулся и кинулся в костер... Когда оба бросились в огонь и сгорели, боги сели ожидать, с какой стороны выйдет Нанауатцин. После долгого ожидания небо начало краснеть и всюду забрезжил рассвет..., а когда Солнце взошло, оно казалось очень красным и раскачивалось из стороны в сторону, и никто не мог на него смотреть, потому что оно слепило глаза, сверкало и щедро испускало свет, разливавшийся во все стороны... Вначале пятое Солнце не двигалось: «Тогда боги сказали, как же будем жить? Солнце не двигается!» И чтобы придать ему силы, боги пожертвовали собой

и предложили ему свою кровь. Наконец подул ветер и, «двинувшись, Солнце продолжило свой путь».

Мигель Леон-Портилья отмечает, «что образ Нанауатцина, смело бросившегося в огонь, чтобы превратиться в Солнце, содержит уже с самого начала скрытые элементы будущего мистицизма ацтеков: Солнце и жизнь существуют благодаря жертве, лишь с помощью той же жертвы они смогут сохраниться». Интересно, что эти представления захватили целый народ. Ставшая навязчивой, мистической, эта идея (неустанно доставлять богам драгоценную красную «воду» жертвы — единственную пищу, способную сохранить жизнь Солнцу), сделала, как писал Касо, «ацтеков народом с миссией. Избранным народом, считаящим, что его миссия состоит в том, чтобы в космической борьбе находиться на стороне Солнца, на стороне добра, содействовать его победе над злом, представлять всему человечеству блага победы сил света над мрачной властью ночи».

Но что конкретно означало для людей выполнение «договора», заключенного между богами при создании мира и самих людей? Ацтеки вели так называемые «цветущие войны», чтобы приносить своему богу-Солнцу кровавые жертвы (кровь пленных). Но это был крайний вариант развития событий. Обычно же речь шла о другом: соблюдении законов, а также отчислении весьма значительных налогов (главным образом в натуральной форме — зерно, пиво, оружие, рабочая сила), идущих на содержание царского двора, армии и храмов богов. Но воспринимались эти налоги именно как жертва, как способ, совершенно необходимый, чтобы поддержать мир и порядок, чтобы боги выполняли свое назначение, без которого нет ни мира, ни порядка, ни самой жизни людей.

Если же по какой-либо причине миропорядок нарушался, то это воспринималось как гнев богов и грозило гибелью всего. Поэтому нарушенный порядок стремились восстановить любой ценой, чего бы это ни стоило. Из этих усилий, как это ни странно, рождались элементы науки, астрономия, искусство. Проиллюстрируем последнее.

В культурах древних царств искусство выполняет весьма важную роль: оно является средством поддержания мироздания, исполнения закона и порядка. Если на архаической стадии искусство соединяло, сводило человека с душами, то теперь оно ставит его перед миром богов, позволяет ему увидеть их жизнь, участвовать в ритуале поддержания существования этого мира. Интерес художника древнего мира обращается исключительно вокруг жизни богов и фигуры царя. Но царь — это и божественное существо (как, например, египетский фараон — живой бог Солнца Ра), и глава государства (империи), и обычный человек. Поэтому древнеегипетский художник изображает фараона не только в мире богов (где он, как бог, поддерживает с другими богами миропорядок). Фараон изображен на войне — он мчится на колеснице, давя врагов, на охоте — поражает из лука львов, в своем дворце — принимает иностранные посольства, в быту — отды-

хает вместе с женой. Поскольку фараон имеет приближенных и слуг, а те, в свою очередь, своих и т. д. до рабов, уже ничего не имеющих, божественная сила и сущность распространяется через священного царя на весь его народ. Поэтому в центре древнего рисунка и картины канонического типа всегда стоит фигура священного царя, от нее к периферии волнами расходятся изображения других людей — царицы, приближенных царя, военачальников, писцов, земледельцев, ремесленников, рабов, пленных.

Задача, стоящая перед древним живописцем и вообще искусством — поддерживать миропорядок и закон, — способствовала выработке живописного канона: формирование устойчивой, неизменной композиции, предпочтение покоя перед движением, ритуальных поз перед обычными, естественными; разномасштабности изображаемых фигур (царь изображался в одном масштабе, самом крупном, а остальные, в соответствии с положением, во все более мелком); выделение преимущественных направлений обозрения (толпа перед храмом, фронт войск или работ). Последний момент и объясняет, почему многосторонний обход, изображение и видение предметов как бы в разных проекциях сменился другим способом изображения — все виды объединились вокруг главного. Действительно, в старой живописи пруд, обнесенный с четырех сторон деревьями, изображается так: прямоугольник пруда (первая проекция), четыре ряда деревьев, распростертых вокруг пруда (еще четыре проекции, как если бы художник рисовал пруд, обходя его с внешних четырех сторон), наконец плавающие в пруду рыбы и гуси изображаются не со спины, а сбоку (шестая проекция). Позднее пруд, окруженный деревьями, изображается иначе: выделяется главный вид, а остальные встраиваются в него. Или, скажем, почему фараон изображался идущим, а не стоящим неподвижно. Вероятно, потому, что он подобен, равен живому солнцу, движущемуся по небу. Почему его плечи и грудь повернуты на зрителя? Потому что изображать его сбоку означает снизить его божественное достоинство и силу (кстати, ремесленники и рабы очень часто рисуются повернутыми боком). Почему лицо фараона изображено в профиль, а не в фас? По двум причинам: прямо в глаза богу-солнцу смотреть нельзя (ослепнешь, умрешь), кроме того, техника художественной визуализации, восходящая к обводу, не позволяет нарисовать лицо *en face*. Встречаются всего несколько изображений, где древнеегипетский художник воспроизводит лицо в фас, причем видно, как оно построено — из профильного рисунка лица, к которому пририсован второй глаз, половинки губ, лба и овал щеки (любопытно, что на рисунке в месте соединения обеих частей лица осталась даже выемка в подбородке и разрыв верхней губы).

Аналогично можно показать, что элементы науки и астрономии были созданы (изобретены) вавилонянами и египтянами, когда они искали способы восстановления нарушенного с их точки зрения миропорядка. Геометрия, например, была изобретена, когда нужно было восстановить границы полей, смываемых каждый год Нилом и Ев-

фратом. И как еще, как не катастрофу, мог шумер понимать такой разлив: вода унесла межевые камни, какой теперь брать налог — неизвестно, а если налог не будет вовремя получен, боги разгневаются и отвернутся от человека, да и сама жизнь будет под угрозой. Но если бы шумерскому писцу, впервые нашедшему формулу вычисления площади прямого поля, сказали, что он что-то там сочинил или придумал, он бы все это отверг как кощунство и неверие в богов. Выводя данную формулу, он считал, что всего лишь описывает, как нечто было устроено богом, что сам бог открывает ему знание этого устройства.

Формирование индивидуальности и личности человека

Естественно предположить, что в такой культуре поведение обычного человека было полностью детерминировано. На одной из глиняных табличек (а книги у шумеров и вавилонян, как известно, делались из глины) написано:

идешь на поле сражения, не размахивай руками. Герой единственный, а людей (обычных) тьма.

Но при всем том все же полной сплошной детерминированности жизни отдельного человека не было. Да, каждый человек занимал свое место и выполнял свои функции: один был царем, другой — воином, третий — земледельцем, четвертый — рабом. Но по мере старения культуры, особенно начиная с III-II тысячелетия до н. э., случалось все больше бунтов, царских переворотов, частые войны тоже могли все поменять, наконец, кое-что зависело и от самого человека. Одни были удачливее, другие — нет, одни — трудолюбивее, другие — не очень, кто-то становился фаворитом богача, а другой разорялся. Тем не менее, в период расцвета культуры древних царств жизнь отдельного человека была настолько детерминирована, что повсеместно существовала своеобразная практика определения, расчета индивидуальной судьбы человека. В некотором отношении она напоминала собой астрологию, но только напоминала. Дело в том, что планеты и звезды в предстании древнего человека были настоящими богами, причем некоторые из этих богов прямо участвовали в судьбе человека. Рассмотрим личные отношения человека с богами, которые сложились в период расцвета культуры древних царств.

Например в Вавилоне каждый человек имел «личного бога» и «личную богиню», а также двух духов-хранителей. Иметь личного бога значит «быть удачливым, счастливым, процветать». Личный бог, считал вавилонянин, принимает участие во всех делах человека, хранит его жизнь и благополучие, определяет судьбу.

Мой бог, господин мой, создавший мне «имя»,
Хранящий мне жизнь, дающий потомство...
Суди же мне жизнь судьбою,
Продли мои дни, жизнь даруй мне.

Из этого вавилонского текста мы видим, что личный бог дает потомство. И действительно, И. Ключков пишет, что, участвуя во всех делах человека, личный бог конечно же не мог оставить его одного в ответственный момент зачатия потомства. «Из известного нам о месопотамских династиях видно, что у отца и сына были неизменно те же личные боги и богини. Из поколения в поколение бог переходил из тела отца в тело сына». Отношения с личными богами заходили иногда столь далеко, что люди даже обращались к ним не с молитвой, а с письменной просьбой. Вот одно старовавилонское письмо, адресованное личному богу:

Богу, отцу моему, скажи! Так говорит Апиль-Адад, раб твой: Что же ты мною пренебрегаешь? Кто тебе даст (другого) такого, как я? Напиши богу Мардуку, любящему тебя: прегрешения мои пусть он отпустит. Да увижу я твой лик, стопы твои облобызаю. И на семью мою, на больших и малых взгляни. Ради них пожалей меня. Помощь твоя пусть меня достигнет.

В этом письме адресат просит личного бога замолвить за него слово перед верховным богом Мардуком. Помимо личного бога человек зависел от многих других, уже, так сказать, общинных богов: космических (Мардук, Иштар), государственных (династических), богов города, богов квартала, богов, отвечающих за отдельные стороны человеческой жизни или даже за отдельные занятия. В связи с этим ощущения своей жизни и даже чувства человека культуры древних царств существенно отличались от современных.

С современным человеком мы связываем прежде всего осознание внутреннего мира, «Я». Наше «Я» противостоит другим «Я», вступает с ними в различные взаимоотношения. И мир и природа, в которых человек живет, подчиняются определенным законам, которые выявляются научным путем. На этом, как писал Ф. Бэкон, основывается могущество человека. С поправками и оговорками с этим, вероятно, может согласиться современник, но вряд ли бы согласился человек прошлых культур. Почему?

Внутренний мир, «Я» — эти вещи были незнакомы, например, еще человеку эпохи античности. Только в средние века внутренняя жизнь человека (понимаемая не иначе как борьба темных и светлых сил в душе человека) была открыта. С верой, пишет наш замечательный историк науки П. Гайденко, человек «сразу оказывается далеко за пределами всего природно-космического: он непосредственно связан живыми личными узами с творцом всего природного... личный бог предполагает и личное же к себе отношение; а отсюда изменив-

шее значение внутренней жизни человека, она становится теперь предметом глубокого внимания, приобретает первостепенную религиозную ценность».

Современный человек считает, что его жизнь, желания, воля принадлежат ему самому, обусловлены его телом и психикой. Ничего подобного, возразил бы ему древний человек: источником жизни, воли и желаний является не человек, а бог и демоны или ангелы. Когда древний вавилонянин, пишет знаток Шумеро-Вавилонской культуры С. Крамер, «чувствует себя прекрасно, полон жизни, наслаждается богатством и душевным покоем, он объясняет это завидное состояние ума и тела присутствием сверхъестественных сил, которые либо наполняют его тело, либо охраняют. Наоборот, всякого рода несчастья, болезни и неудачи объясняются отсутствием такой защиты». Во всех культурах, кроме современной, и воля, и ум, и желания, да и сама жизнь считались превосходящими, они овладевали душой человека независимо от его усилий. Сам человек мог лишь способствовать или сопротивляться этим силам, не более того.

Мы уверены, что есть законы природы и общества, познаваемые научным путем. Но древний, античный или средневековый человек думал иначе: есть божественный или космический закон и ему должен подчиняться человек, на том же основывается его уверенность в завтрашнем дне.

Так как многие боги — это одновременно планеты и звезды, которые постоянно можно было наблюдать на небе, и так как именно боги определяли судьбу человека, возникла естественная мысль, что наблюдение за небом, планетами и звездами есть ключ к определению судьбы человека. Постепенно сложилась практика расчета судьбы, а также «хороших» и «плохих» дней. Крайний вариант развития этих событий мы видим в практиковавшемся в Ассирии ритуале «подменного царя». «Солнечные и лунные затмения, — пишет И. Клочков, — предвещали смерть или во всяком случае опасность для жизни царя. В зависимости от положения светил астрологи могли объявлять опасным весьма продолжительный период времени, до ста дней. Царя на это время отправляли в загородную резиденцию, где его именовали «землевладельцем» и подвергали различным ограничениям, тогда как во дворце поселяли подставное лицо, наделенное всеми внешними атрибутами власти. По минованию опасного периода «подменного царя» убивали (должно же предсказание сбыться!), а истинный царь возвращался в свой дворец».

Однако вспомним, что и сами боги имели судьбу, подчинялись ей. Что же тогда представлял собой расчет судьбы отдельного человека? Вероятно, некоторый индивидуальный сценарий функций человека, составленный, что принципиально, на основе знания общих функций. Другими словами, судьба отдельного человека — это была вариация на тему «жизни человека данного сословия, положения, богатства». Впрочем, кое-то зависело и от самого человека.

«Некоторые, — читаем мы в текстах жрецов народа нагуа, — несмотря на благоприятный знак, под которым родились, вели себя лениво — они жили несчастливо». В другом тексте про двух людей читаем:

Он имел заслуги, сам себе выговаривал:
Дела у него шли хорошо...
Он был вне себя, ничего не осуществлял,
Ничего не был достоин: он заслужил только
Унижение и уничтожение.

Первый из этих людей делал все, чтобы его судьба подтвердилась, второй, очевидно, «был ленив, был вне себя» (то есть не следовал судьбе, которую ему определили жрецы).

Учителя и школа

Именно в период культуры древних царств возникли первые школы и учителя. В древнем Вавилоне учитель, он же одновременно и писец, учил детей писать на глиняных табличках, считать, вычислять площади полей, объемы земляных работ, вести наблюдения за движением планет и звезд. Учитель в те времена значил больше, чем теперь. Это был не только преподаватель предмета, но и человек «мудрый», «знающий», и прежде всего в делах божественных; ведь мы уже отмечали, что и математика и астрономия в той культуре понимались как дело божественное. Вот, например, как об учителе (его называют «ученым») свидетельствуют тексты народа нагуа:

Ученый это: свет, факел, большой факел, который не дымит. Он продырявленное зеркало. Ему принадлежат черные и красные чернила, принадлежат кодексы. Сам он есть письменность и знание. Он путь, верный путеводитель для других. Подлинный ученый аккуратен (как врач) и хранит традиции. Он тот, кто обучает, он следует основе. Он делает мудрыми чужие лица, заставляет других приобретать лицо и развивает его. Он открывает им уши и просвещает. От него мы зависим. Он ставит зеркало перед другими, делает их разумными, внимательными, делает так, что у них появляется лицо. Он одобряет каждого, исправляет и наставляет. Благодаря ему желания людей становятся гуманными, и они получают строгие знания. Он одобряет сердце, одобряет людей, помогает, выручает всех, исцеляет.

Кое-что здесь, естественно, нуждается в объяснении. «Смотреть сквозь продырявленное зеркало» (как боги на дела людей) — это значит видеть скрытое, знать все наперед, управлять. Теперь, что значит «лицо». «Лицо» у нагуа противопоставляется «сердцу». Когда обращаются к молодым супругам, говорят так:

Принесу огорчение вашим лицам, вашим сердцам...
 Приношу поклон вашим лицам, вашим сердцам...

Лицо и сердце — это две характеристики отдельного человека: лицо — то, что дается воспитанием и обучением, а сердце — стихия желаний:

Поэтому ты отдаешь свое сердце всякой вещи
 И ведешь его неизвестно куда: ты разрушаешь свое сердце...
 На земле разве можешь ты за чем-либо гнаться?

Зрелый, воспитанный человек, по убеждению учителей нагуа, должен овладевать своими желаниями (сердцем) и становится мудрым, знающим.

Зрелый человек имеет сердце
 Твердое, как камень, мудрое лицо.
 Он хозяин своего лица, у него
 Ловкое и понятливое сердце.

Анализ текстов показывает удивительную вещь: функции учителя и личного бога отчасти совпадают — это помощь, лечение, совет, знание, ум и т. п. Но учитель делает больше: он передает человеку «правильное лицо», развивает его. Человек становится «хозяином своего лица», он «видит себя в зеркале», он «мудр».

Здесь мы имеем максимально возможное в древнем мире приближение к пониманию того, что такое культурный человек. Но и преувеличивать это приближение нельзя. В конце концов, учат соблюдать закон, дисциплину и лишь отчасти самостоятельности, активности, обращенной на самого себя. Основной мотив учительских наставлений: «терпи, удерживай свое сердце, следуй примеру личного бога, поступай разумно, хорошо». Тогда к тебе будут хорошо относиться и боги, и люди, и все будут уважать тебя.

Закат великой цивилизации и рождение личности

Конец второго — начало первого тысячелетия до н. э. — это период упадка культуры древних царств. Например, «военное и политическое могущество Вавилонии, — пишет И. Ключков, — идет на убыль. Заметно уменьшилось население самого Вавилона... Ухудшилось и то, что современные социологи называют «качеством жизни»: дома строились значительно хуже, менее разнообразной стала утварь и т. д. Одновременно с упадком городов шло запустение сельских поселений и сокращение возделываемых площадей... Все это неудивительно, если вспомнить о внешнеполитических событиях эпохи: беспрерывные войны и нашествия извне не могли не истощить страну». На-

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ МИРОВОЙ КУЛЬТУРЫ

Учебное пособие

Ответственный редактор
доктор философских наук
профессор Т. Ф. Кузнецова

Издатель А. Кошелев

Корректор В. В. Бурцева

Подписано в печать 20.07.97. Формат 70x100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Школьная».
Усл. п. л. 39,99. Заказ № 2147 Тираж 5000.

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).
E-mail: sch-Lrc.msk.ru

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая реализация — тел.: (095) 247-17-57.
Костюшин Павел Юрьевич.
Проезд: Метро «Парк Культуры», здание изд-ва «Прогресс».

Foreign customers may order the above titles -
by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).